

Крокодил

к 556

К ИТОГАМ КЕЛЬНСКОЙ ВЫСТАВКИ ПЕЧАТИ

Рис. К. Елисеева

№ 46

ОТ ГУТЕНБЕРГА
К ГУТЕНБЕРГУ

МОСКВА,
ДЕКАБРЬ
1926 г.

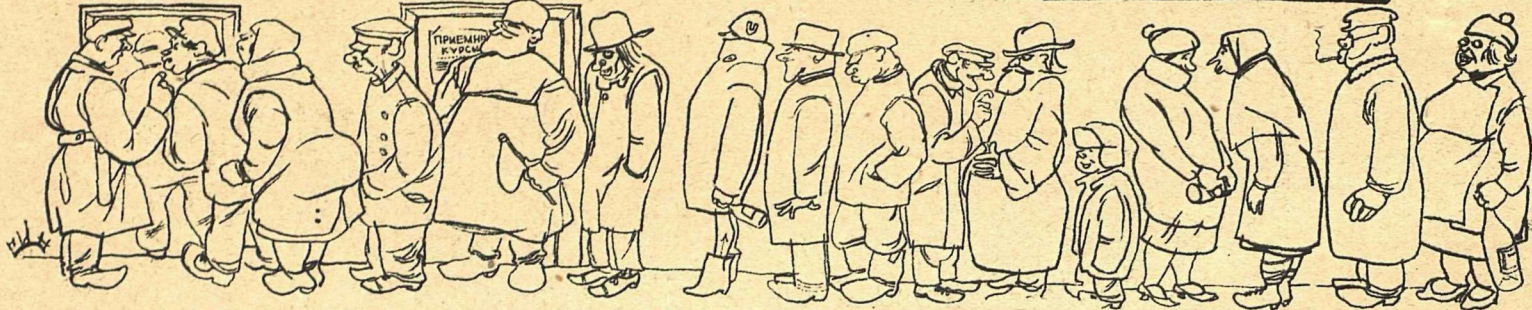
Гутенберг прославился некогда тем, что из его рук печатное слово разошлось по всей Германии.

Гутенберг известен нынче тем, что печатное слово со всей Германии сошло в его руки.

Рис. В. Гин

КУРСЫ

МАГАЗИН
ЦЕНТРОСПИРТА
№ 3954

— Это куда очередь, на курсы?
— Нет, в соседнюю дверь...

«ПЛАТФОРМА»

(Не портрет, а зарисовка)

Он заерзал—и свет электрической лампы
Тусклым блеском зажег роговые очки:
— Слишком любят у нас трафаретные штампы,
Слишком любят на все нацеплять ярлычки!
Скажем,—«правый уклон». Не сочувствуя лично,
Все ж скажу я: зачем подымать тарарам?
«Ах, не коммунистично! Ах, оппортунистично!
Ах, мещанская дряблость и отход от программ!
Еретический вывих правых верных обеден
Под влиянием кулацких, буржуазных идей!...»
Говоря между нами, этот шум только вреден:
Только зря от работы отвлекает людей...
Говоря между нами, и уклона-то нету:
Просто думают люди не этак, а так!
Ведь нельзя ж все подладить к одному трафарету...
Да и чем нам опасен деревенский кулак?..
Темп индустрии... индустрии... ализации, тьфу ты!
Тут язык только сломишь, а практически—что ж?..
Вверх приятно взобраться, да тропинки-то круты:
Сколько обуви сносишь, покуда взойдешь!
Но оставим уклоны. Вот—«событие» в Минске:
Случай с этой еврейкой... Нежелательный, да!
Я согласен, что с нею обращались по-свински,
Ну, а в общем и целом, велика ли беда?..
Хулиганство—и только. А раздули в печати!..
«Юдофобство! Пусть масса позором клеймит!».

После этого—ясно, что кстати—некстати
Ставить штамп будут всякому: «Антисемит».
Я, конечно, не «анти»... Говоря между нами,
Ведь иная еврейка—идеал красоты!
Но во многом евреи виноваты и сами:
Лезут в партию, к власти, занимают посты...
Впрочем, ну их! В запасе и другие есть темы:
Лит-вопросы, искусство, фронт культуры, театр...
Кое-что тут неладно: соглашаемся все мы.
Например, глупо в клубах танцевать па-де-кэтр!
Но нельзя ж Всеволоду говорить Иванову,
Что, мол, образы ваши не совсем нам подстать!
Если нэп принимаем мы всерьез за основу,
То при нэпе есть нэпман; нэпман хочет читать!
И у нэпмана тяга к культуре и к знанию...
Все вогнать мы не можем в пролетарский шаблон!
То, что Керженцев как-то диктовал совещанию,
Это левый, по-моему, вредный уклон!..

★

Он умолк, потянулся лениво и вяло
И спросил: «Ну, сознайтесь... Я прав или нет?».
Но сурово, спокойно в ответ прозвучало:
— Вы б вернули, «товарищ», ваш партийный билет!

Грамен.

САМОКРИТИКИ

Главное—это то, что осмелел даже сторож
Лазейкин. Он сосредоточенно заходил вдоль
рампы и, смущенно поглядывая в насторожив-
шийся зал, сказал:

— Если, товарищи, мы посмотрим, то мы
увидим. Это чорт знает что, товарищи, а не
хозяйствование, если разваливается целый
каменный амбар на расстоянии двух килограм-
мов от завода! Позор! Таких директоров, то-
варищи, нужно железной метлой, каленым
утюгом, а также зорким пролетарским оком!

Директор побелел и почувствовал ледяные
мурашки на спине.

«Амба, — подумал он с ужасом, — угробат:
в зале сидит человек из рабрина».

Сторожа Лазейкина сменил оглушительный
машинист Мухоморов.

— Мало того,—заревел он, жестикулируя
всеми четырьмя конечностями,—товарищ ди-
ректор развел такую бумажную океанию, что
провал ему в печенку! Он душит на корню
всякую вдовую мысль. Он законопатил два
замечательных проекта насчет отработанных
стружек. Чего смотрите, товарищи?!

Директор умирающим шопотом пробормо-
тал:

— Конец.

Управляющий делами вышел на сцену про-
работанным, увязанным и согласованным ша-
гом и поднял глаза к потолку.

— Товарищи, нечего и говорить о том, что
товарищ директор виновен. Вина налицо. Но
нельзя же все-таки налегать таким нахрапом.
Нужно тихо и деловито. Я думаю... Я кончил.

Директор вскинул на него глаза, исполнен-
ные молитвенной надежды. Вслед за этим на
сцену прошел заведующий отделом сбыта и
нервно откинул ниспадавший клок волос:

— Товарищи! Разрешите мне удивиться: в
чем преступление директора? В том, что у него
произошла ошибка. Да ведь мы же на них,

Рис. Ю. Г.

господи боже мой, учимся! Следует ли из это-
го, что Амбросима Еремеевича нужно снять?
Нет. Он нам нужен, как воздух, вода, отопле-
ние, освещение и все остальные коммуналь-
ные услуги.

Директор, приободрившись, вытер лоб и за-
курил «Согласие».

Начальник экономического отдела, выйдя на
сцену, воспаленным взглядом окинул зал и
трагически воскликнул:

— Друзья и братья! Достаточно только по-
смотреть на Амбросима Еремеевича, чтобы с
рыданием в голосе воскликнуть: да, это один
из тех, которые добивались, не жалея сил!
За что же его, товарищи, за что?

Директор уже спокойно откинулся на спин-
ку стула и приветливо улыбнулся какому-то
портфелю в зале.

Управляющий базисным складом, расставив
независимо ноги у рампы, укоряюще закачал
головой:

— Товарищи, товарищи, что вы делаете?
Почему никто ничего не сказал о тех колос-
сальных достижениях, которые являются и
так далее?!

Директор привстал, добродушно попыхивая
сигарой, и заулыбался заду:

— Ну, не слишком, дорогие товарищи, не
слишком. Даже самокритикуя, нужно держаться
в рамках. Но мы стоим, я вижу, твердо на
страже, и зорко, хе-хе, глядим вперед!..

Зал не решился отставать и тоже почти-
тельно и осторожно хехекнул.

Марк Касинов.

ГОРЬКАЯ ОБИДА

Василий Алексеевич благодушно скучал. Не хотелось ему выступать с отчетным докладом о своей работе, да завком уговорил,—отчитайся! Василий Алексеевич против самокритики не возражал и даже приветствовал,—но делать доклад, слушать прения, отвечать потом в заключительном слове,—кому это нравится? Время зря пропадает!

И сейчас, слушая прения, Василий Алексеевич скучал:

«Чепуху горюдит... — лениво думал он, слушая оратора: — кто же не знает того, что себестоимость высока! Подумаешь, Америку открыл! Производительность труда низка! А я что говорил? Скучота!»

Он зевнул, притянул к себе лист бумаги, записал кое-что из выступления оратора и тут же пририсовал какую-то рожицу. Полюбовался и приделал к рожице шляпу и усы:

«Похоже на бухгалтера!» — склонил Василий Алексеевич голову набок.

Председатель протянул ему записку, брошенную из зала. Василий Алексеевич медленно развернул и прочитал:

«А почему Зина Край оказалась вашим личным секретарем? Не потому ли, что красится и в шелковых чулках ходит или наоборот?»

Явительное «наоборот» развеселило Василия Алексеевича. Он улыбнулся, положил записку в карман:

«Покажу Зиночке!».

И начал слушать следующего оратора, но опять соскучился:

«Опять то же самое: непроизводительные расходы велики... А я не указывал на это? Чудаки!».

Записал под рожицей фразу относительно непроизводительных расходов и тут же нарисовал домик. Ввинчивая в крышу домика штыпор, который должен был по замыслу художника изображать дым, Василий Алексеевич думал о том, что трест задерживает сметы и планы, что скоро опять придет никому ненужная ревизия, которая заставит и его, и контору, и техперсонал зря тратить время...

— Автотранспорт, — услышал он. — «А я при чем?..».—Прогулы... — «А что завком делает? Вот, ей-богу, ерундисты-то!».

Василий Алексеевич кое-что записывал для заключительного слова, но больше рисовал фигурки, домики и таинственные пейзажи. Сидевший рядом секретарь ячейки Клюкин шепнул на ухо:

— А здорово кроют! Сейчас я возьму слово,—многое и зря хлопают. Покажи-ка, что Косых про прогулы говорил...

Потянул к себе лист с заметками Василия Алексеевича, прочитал и сказал:

— Отвечу Косыху и Темкину, а остальным уж ты вали.

Потом прибавил:

— А художник из тебя—никоторый! Разве такие дома бывают? Василию Алексеевичу сразу стало обидно:

— Я в художники не нанимался!—сердито буркнул он и отвернулся от Клюкина.

Что говорил Клюкин, — Василий Алексеевич не слушал:

«Странная вещь,—думал он:—почему это я—плохой художник? А Клюкин-то лучше, что ли? Пусть он нарисует! Да и вообще — смешно!».

И попробовал нарисовать хорошенькую женщину. Ничего не вышло—ухо полезло на щеку, нос—на другую, а глаза вообще некуда было пристроить. Получилось что-то плохое и кривое.

«Если бы еще я учился в каком-нибудь Вхутеине—тогда так. А так, сам по себе,—я даже не обязан!».

— Твое заключительное!—толкнул его под бок Клюкин:—зарисовался?!..

Василий Алексеевич встал мрачный:

— Я, товарищи, приветствую здоровую критику, но враг демагогии. Если мне скажут, например, что я не умею рисовать, что я плохой художник,—разве это деловая критика? А здесь именно и говорят, что я не умею рисовать! Что я?.. То-есть, я хотел сказать, будто ремонт задерживается! Может быть, если бы я учился во Вхутеине или как его там?—из меня бы великий художник вышел! То-есть, если бы трест не задерживал сметы, у нас давно ремонт кончен был бы! Или—подойдем с другой стороны—кто виноват в том, что я не умею рисовать? Я?!.. Ни с какой стороны! Виноваты мои родители, учителя, не обратившие никакого внимания на мои способности! Иными словами, как я могу отвечать за излишек автотранспорта, когда он закуплен моим предшественником? Наконец, меня в детстве пробовали учить музыке, потом отдали в гимназию, откуда меня исключили, затем я учился сам всему, чему угодно. А может быть, если бы меня сразу начали учить рисованию, то из меня с моим талантом вышел бы гениальный художник! Так разве же можно меня обвинять в том, что я плохо рисую! Так и с теми дорогостоящими опытами, о которых говорил товарищ Косых: разве я их проделывал или вообще заводоуправление? Их проделывал трест, а не мы...

Собрание признало деятельность директора, Василия Алексеевича Смазова, правильной, но Василий Алексеевич не повеселел,—ему было обидно:

«Плохо рисую! А сам-то? Подумаешь, какой АХРР нашелся!».

Вл. Павлов.

ГИМН ПЕРЕГОРОДКЕ

Гимн перегородке!

Разделяй и властвуй!
Над корытным бытом,
Над горой забот,
Ты, перегородка,
Торжествуй и здравствуй,
Как граница фронта,
Как стальной оплот!
В лабиринте комнат,
В чаще коридоров
Сеткой паутиной
Раздели сердца...
Каждый вечер ходят
По каморкам ссоры,
Слышен плач ребенка,
Пьяный крик отца.

★
По цветным обоям
Важно и степенно
Медленно гуляют
Сонные клопы...
И привыкли люди,
И привыкли стены
К ним, как к домашним
Из своей толпы...

★
Быт—в плену у скуки.
Медленно, но верно
На стене тихонько
Тикают часы...

А кругом так пусто...
Ухо режут звуки—
На рядной гармошке
Парень рвет басы.
Но перегородки
Не сломать, не сбросить
В океан веселья,
Дружбы и забав.
За окном ненастьем
Растекалась осень,
За окном метался
Вихряной джаз-банд.

★
Есть в сердцах жилплощадь
Для сердечной дружбы,
Только баррикадой
Выросла стена
Между «мной» и «нами»,
Между жизнью — службой
И перегородка не побеждена.

★
Гимн перегородке!
Разделяй и властвуй!
Сеткой паутиной
Затяни сердца...
Где-то ежедневно,
Где-то ежедневно
Слышен плач ребенка,
Пьяный крик отца.

П. Майский.

МЫСЛИ В СЛУХ

Гораздо важнее уметь отчитываться перед начальством в кабинете, чем перед массами на общем собрании.

★
Если прийти в учреждение ровно к девяти часам, то можно подумать, что штаты действительно сокращены.

★
Сон укрепляет организм, но отнюдь не профсоюзный.

★
В кабинетах ответственных работников должно быть как можно больше зеркал. Они тогда невольно начнут заниматься самокритикой.

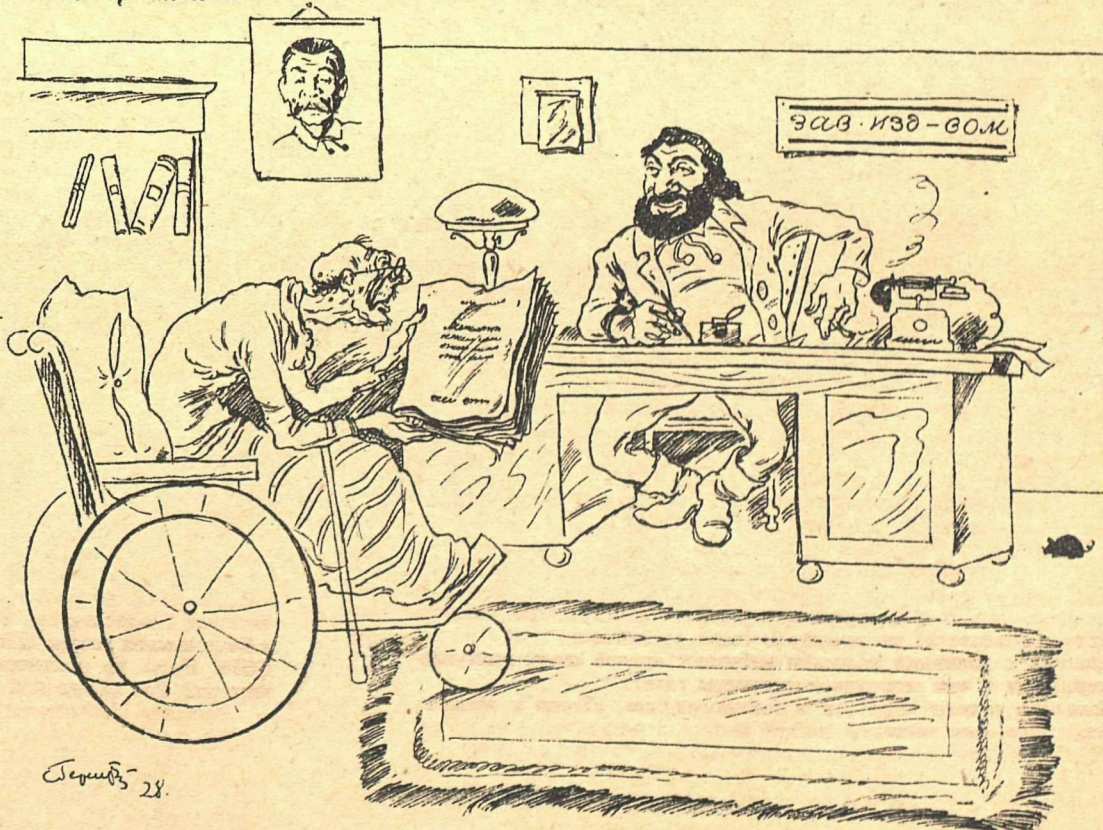
★
Даже составляя тезисы доклада о борьбе с бумажным кризисом, следует экономить бумагу.

★
И открытое собрание ячейки можно закрыть... если никто не придет.

Ипа.

ЗНАТОК

Рис. С. Герштейна

— Вы, гражданин, привезли воспоминания о Наполеоне?
— Нет. Это мой новый роман из быта современной молодежи.

ГЕРМАНИЯ: — Ну, как, родимые, дают?
 ПРОЧИЕ: — Нет. И, видать, не будут...
 ГЕРМАНИЯ: — Ну, все равно,—встану. В хорошей очереди
 и постоять приятно.

САМОКРИТИКА КРИТИКОВ

Если у человека появляется в руках неудержимый зуд, то, обычно, он, тяжело вздохнув, отправляется в писчебумажный магазин и покупает две стопы бумаги.

Потом он отбивается от сна и от аппетита и начинает творить. В результате получаются скверные рассказы, плохая повесть или даже, в худшем случае, жуткий роман.

Более благоразумные и честные граждане после неудачных опытов возвращаются к своим бухгалтерским конторкам и делопроизводительским столам.

Остальные—становятся критиками.

У критиков обязательно должно быть что-нибудь длинное: или язык, или хотя бы волосы.

Критики с длинными языками почти ничего не пишут.

Они покупают койку и отправляются в Политехнический музей. Там они устраиваются как дома, ложатся на кровать и спят или плюют в потолок. В промежутке между этими занятиями они выходят на сцену и говорят по регламенту и сверх регламента.

Критики с длинными волосами избирают арену своих выступлений серые, ни в чем неповинные страницы газет.

Заполнив отделы «Критика и библиография», «Театр и музыка» и «Искусство», они начинают писать письма в редакцию.

Мы даем для начинающих образчик таких писем.

ПЕРВОЕ ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Уважаемый товарищ редактор!

В предыдущем номере В/уважаемой газеты я сделался жертвой циничного налета литературного бандита, фамилию которого (Ю. Фаянсов) я из чувства порядочности называть не буду.

Потерявший голову, совесть и чувство меры рецензент обвиняет меня в том, что в критической статье о В. А. Некрасове я пишу «Некрасов» через два «С».

Если бы, помимо базарного жаргона, этот невежда хоть немного знал историю литературы, то его хамская статейка НЕ ПОЯВИЛАСЬ БЫ НА СВЕТ (курсив мой. К. В.).

Каждому грамотному литератору (А НЕ ПРОХВОСТУ) (курсив мой. К. В.) известно, что еще во времена Иоанна Грозного один из предков В. А. Некрасова по повелению ТИРАНА (курсив мой. К. В.) начал именоваться Некрасовым через два «С».

Мы живем в другие времена и потому должны ликвидировать попытки литературного бандитизма КАЛЕННЫМ ЖЕЛЕЗОМ (курсив мой. К. В.) и ЖЕЛЕЗНОЙ МЕТЛОЙ (курсив мой. К. В.).

С приветом К. Вячеславский.

ВТОРОЕ ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Уважаемый товарищ редактор!

Оставляя в стороне, за недостатком места, необычайный для советской печати тон письма некоего К. Вячеславского, гораздо более уместный в устах завсегдатая пивной, я хочу ответить по существу.

Не знаю, как называл боярина Некрасова Иоанн III Грозный, но даже учащиеся первой ступени знают, что русского писателя Некрасова (он же Панаев) звали Николай Андреевич, а Вячеславский упорно (ДВА РАЗА) называет его «В. А. НЕКРАСОВ». Пусть не ссылается на ошибку корректора. Стрелочник виноват? Да? (Ха-ха-ха!).

Василием Некрасова тоже Иван Грозный назвал????!!! (Sic!).

Полагаю, что на этом спор с неграмотным невеждой можно считать законченным.

Кстати, насчет курсива. У Вячеславского в письме так много «своего курсива», что он мог бы открыть собственную типографию и бросить неблагодарный литературный труд.

Резюмирую коротко: каленым утюгом!

С приветом Ю. Фаянсов.

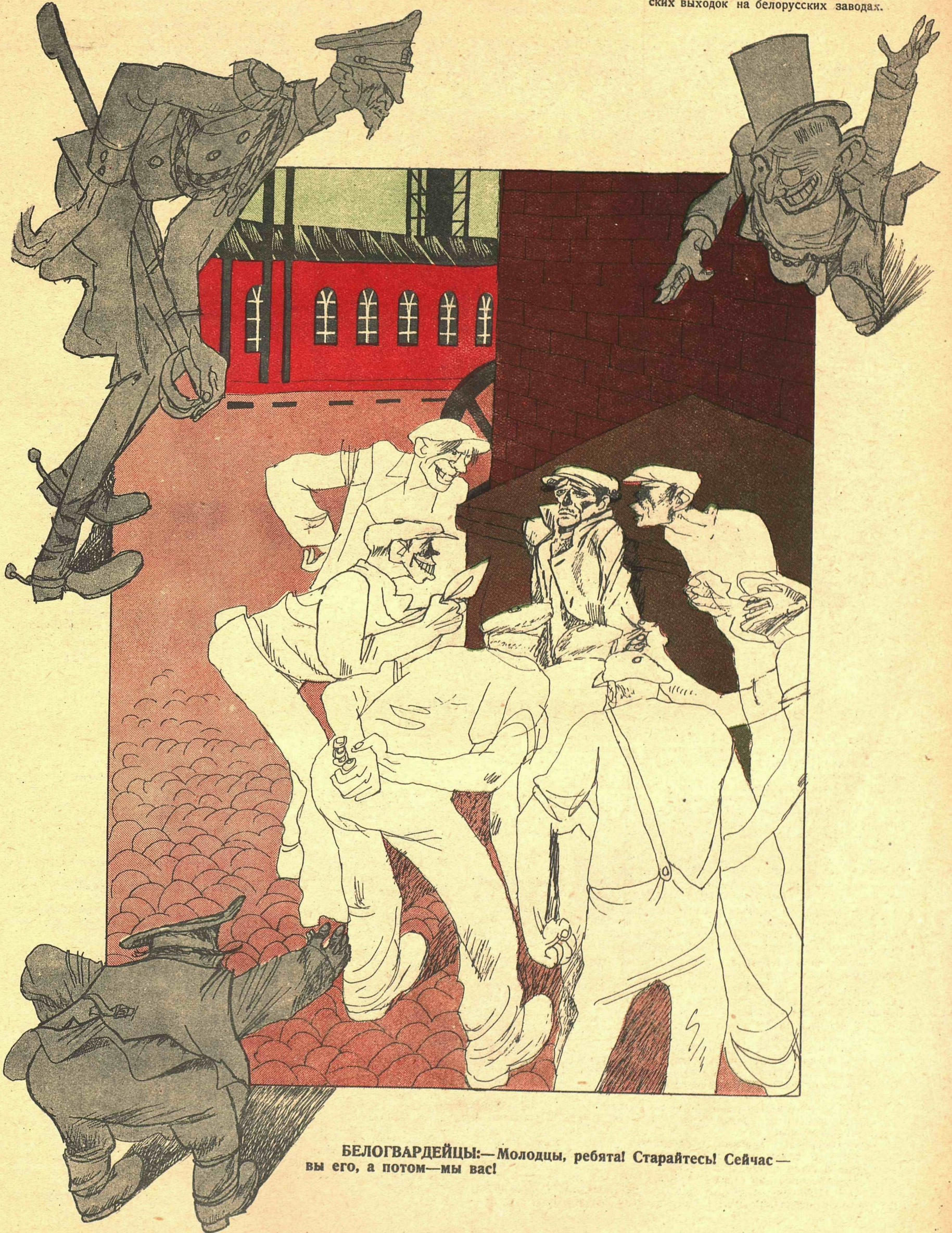
ОТ РЕДАКЦИИ: Редакция считает дискуссию на страницах газеты законченной и предлагает авторам перенести ее на страницы соответствующих журналов.

И. Амский.

Рис. М. Черемных

КОМУ ЭТО ВЫГОДНО

Газеты сообщают о ряде антисемитских выходок на белорусских заводах.

БЕЛОГВАРДЕЙЦЫ:— Молодцы, ребята! Старайтесь! Сейчас — вы его, а потом — мы вас!

ПОЛНЫЙ СБОР... „БЫВШИХ“

(Посвящается Советской Филармонии)

Рис. С. Г.

Публика на концерте Н. Голованова.

ПЕЧАЛЬНЫЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ ПО СЛУЧАЮ ЧТЕНИЯ ДОСЫТА, ДО ОТВАЛА ТОЛСТОГО ЖУРНАЛА

Дни и ночи дождь струится.
Тучи. Сумрак. Мгла.
Не журнальная ль водица
С неба потекла?
Дочитал. Герой мой помер.
Поздно. Надо спать.
Скучный, как прочтенный помер,
Я ложусь в кровать.
Ночь тиха. Под шубой жарко.
Рама чуть видна.

★

Говорят, что звезды ярки..
Но «Звезда» бледна.
Ко всему, чем век болеет,
Холоднее льда,
И не светит, и не греет..
Бедная «Звезда».

★

«Новь» краснеть с азартом стала,
Но.. прошел азарт..

★

Вот он—толстого журнала
Нынешний стандарт:
В нем роман («Проблема пола»),
Повесть («Гр-р-розный год!»).
В нем—лирическое соло
(Стих пятьсот, шестьсот!).
В меру бледен, в меру красен,—
Как он жалок стал!

★

Только Новый Мир прекрасен
(Мир—но не журнал...).

★

За окошком справа виснет
Наглая «луна».
Эта ночь длиннее жизни..
Клима Самгина!
Этой ночью сна не стало:
Чувств бурлит река!..

★

Спать бы от таких журналов:
Не могу — тоска!..

А. Каменногорский.

НА ЗАВОДЕ

— У нас снабжение сильно хромает...
— Все потому, что завхоз с частниками
на короткой ноге.

А.

МОЛНИЕНОСНАЯ БЫСТРОТА

Когда в деревню Пронино приехала из губернии комиссия во главе с прокурором,—проницы изумленно вытаращили глаза.

Комсомолец Алешка вихрем носился по деревне и восторженно махал руками:

— Что? Видали теперь, какая есть быстрота? Трех дней не прошло, как на Семена Лужкова покушение было,—а, смотри, в самом центре все узнали и сейчас комиссию к нам. Вот ты теперь, дядя Митрофан, и поговори насчет волокиты! Хороша волокита?

Дядя Митрофан шурлся и недоверчиво чесал и без того расчесанную плешь:

— Еще кто ее знает, что она за комиссия? Может, она вовсе не по Семенову делу? Может, она насчет налога.

— Ну, тебя разве переговоришь! Я сам узнавал, и мне сказали, что комиссия по сельковому делу. Ну? Понял?

Дядя Митрофан поежился и крутнул головой.

— Понять-то понял. Только что-то тут не так. Есть тут какая-то заковыка. Уж какой-нибудь тут секрет заключается. Чтобы через три дня комиссия—это прямо невозможное дело!

Однако—факт оставался фактом. Комиссия расположилась в избе сельсовета и приступила к работе.

Семен Лужков, с перевязанной рукой, не дожидаясь приглашения, сам отправился давать показания. Председатель комиссии, сверкнув очками, в упор уставился на Семена:

— Ваша фамилия?

— Лужков Семен.

— Имеете касательство к нашему делу?

— Так точно. Можно сказать, главный участник.

Председатель сурово покосился на перевязанную Семенову руку.

— Рана получена во время нападения?

— Да.

— Вы один работали? Или были и другие?

— Вся деревня за меня стояла, а работал я один. Остальные-то у нас малограмотные.

Попештавшись с другими, председатель резко отчеканил:

— Вот что, товарищ! Я должен буду взять вас под стражу!

Семен Лужков вытаращил глаза:

— То-есть как... под стражу? Охрану мне, что ли, дадите?

— Да! И охрану дадим, и в холодную посадим! Довольно вы тут на воле погуляли! Будет! Председателя вашего под суд надо

отдать за то, что он вас на воле держал! Ваше место в тюремной камере!

Семен беспомощно развел руками:

— Меня? В тюрьму? Да за что?

— Как за что? Вы же сами признались, что вы главный участник нападения на селькора... э... э... как его?..

Лужков перебил:

— Да вы все напутали! Я самый селькор и есть—Лужков Семен! На меня и было нападение. Вот—руку мне прострелили. Я потому и говорю—главный участник. Потерпевший я...

Председатель комиссии покраснел и рассердился:

— Вы тут мозгов нам не забивайте! Какой вы потерпевший, если потерпевший убит! Ну?

— Да не убит я! Меня хотели убить—да только ранили. Вон он я—живой!

— Ну, так значит вы не селькор! Потому что селькор убит, и мы имеем протокол вскрытия тела! Может, вы скажете, что это ваше тело вскрывали? Кого вы хотите обмануть?

Семен Лужков напряженно наморщил лоб:

— Постой... постой... Так это вы, может, по арефьевскому делу приехали?

— Ну да! По делу об убийстве селькора Арефьева! Будто не знаете!

— Ну, тогда-то так...

Семен горько улыбнулся и свистнул.

— Прошу не свистеть перед следственной комиссией! Это вам не кабак!

— Да тут не хочешь, а свистнешь. Три года назад Ивана Арефьева убили,—а вы только раскачались. Эва!

И Семен Лужков вышел, хлопнув дверью.

На улице его встретил дядя Митрофан:

— Ну, что? Опросили?

Семен сплюнул и махнул рукой:

— Это еще только по арефьевскому делу приехали. А мне, стало быть, еще три года ждать!

Дядя Митрофан удовлетворенно почесал плешь:

— Ну вот это еще так, это еще на дело похоже. А то где же это видано — чтобы через три дня комиссия? Чудаки, это комсомольцы!

Вас. Лебедев-Кумач.

Можно увидеть:

(КОНЕЧНО, ПРИ БОЛЬШОМ ВООБРАЖЕНИИ)

Рис. К. Елисева

Вежливого сотрудника справочного стола...

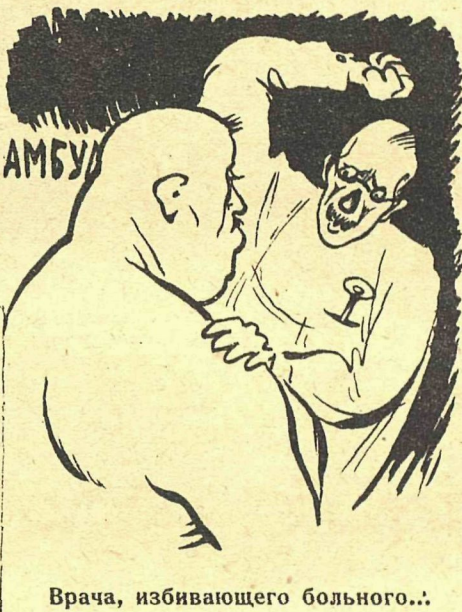
Трезвого шофера...

Мужа, готовящего обед жене-активистке...

Милиционера, спасающегося от беспатентной торговки...

Врача, избивающего больного...

Селькора, стреляющего из обре-за в кулака...

Ежедневно обедающего вузовца...

Безбожника, ведущего безбож-ную пропаганду...

И даже рабочего, сидящего в партере Большого театра.

Но нельзя увидеть...

(См. рисунок на след. странице).

ТВОРЦЫ ЖИЗНИ

ПЕССИМИСТЫ ноют, впадают, указывают на разные штучки: — Много бюрократов! Бездушных чиновников, лодырей! Нет инициативы, интереса к работе. Заботливого вникания к потребности!

Верно ли все это, граждане? Не перегибается ли тут палка, каковая при этом еще и вставляется в колеса?

Перегибается, определенно перегибается. Конечно, кое-где имеются люди малопригодные, без особых талантов и даже без протекции. Отрицать не приходится. Но есть и доподлинные творцы, организаторы и реформаторы, обладающие административными талантами, почище чем у глуповских градоначальников. И вот примеры.

Глуповский градоначальник Беневоленский издал, в припадке административной заботы о вверенном населении, свой знаменитый «Устав о добропорядочном пирогах печении». Мероприятие, конечно, благодетельное. Немало бесталанных администраторов лопаются до сих пор от зависти при ознакомлении с достижением Беневоленского.

Но Беневоленский в сущности щенок перед многими нашими ребятами, ушедшими далеко вперед по части благодетельствования подведомственного населения.

Нам доставлен из Юринского кантона, Марийской области, документ, из которого каждый может увидеть сколь далеко простирается там начальническое попечение о благе народа. Вот он, этот документ.

Объявление

В виду нераспространения заразных болезней, комиссия от медсансекции совета ПРЕДЛАГАЕТ жителям соблюдать:

1) Гигиену, а именно белье менять каждую баню, не менее одного раза в неделю.

2) Мусора в помещении не допускать.

3) Тщательная уборка: мытье полов, сеней, также уборка палисадников, улиц, клозетов и около колодцев, возле них стирки не производить, требуется утрамбовка и скат от них, крышку и желоб для стока, лавочку для ведер.

4) Иметь при каждом колодце бабьи.

Крестьяне, конечно, торжествуют! Усиленно пьют самогон!

— Дожили! Спасибо! Большая льгота: каждую неделю белье менять. Не забывает, значит, начальство, заботится.

Не менее попечителен и Семипалатинский горсовет. Бедняжка ночей не досыпает, все думает, как бы проявить побольше заботливости о гражданах. Долго «хозяин города» ничего не мог придумать существенного, но, в конце концов, додумался до большой реформы. Не пожалел всех своих сил, поработал на славу, и в протоколе № 72 мы с гордостью читаем такое историческое решение:

СЛУШАЛИ: доклад т. Тупицина о том, что вход в рентгеновский кабинет с парадного страхкасы закрыт и люди должны ходить со двора, где имеются собаки, часто пугающие больных. Есть предложение секции страхкасы открыть парадную дверь.

ПОСТАНОВИЛИ: предложить страхкассе открыть вход в рентгеновский кабинет с улицы и ходить через парадную дверь.

Усовершенствование и упорядочение условий человеческого существования волнует административные умы и на далекой Камчатке.

Администрация рыбконсервного завода № 1 прилагает все свои силы и таланты к тому, чтобы жизнь протекала по установленному и зарегистрированному руслу.

Официальная переписка по форме № 8 дает нам такие образцы:

Старшему сторожу т. Берещагину.

Прошу пропустить в душ водокачки, по предписанию фельдшера, т. Меркушева, не позднее 11 час. ночи.

Зав. Хоз. Частью Дьяконов.

Резолюция механика Чигринова: Можно предоставить т. Меркушеву пользование душем.

Где же бездушность? Более внимательного отношения трудно найти в любой переписке.

Дьяков и Чигринов торжествуют.

— Мы еще не то введем!— грозят они.— Мы этот самый неорганизованный анархизм и махновщину изничтожим с корнем. У нас и в уборную будут ходить по путевкам.

К несчастью, бывает так, что какой-нибудь административный талант не имеет в своем распоряжении самого обыкновенного населения, и тогда свой административный творческий зуд приходится обращать на самого себя.

У сотрудников Крымцентрархива никого, кроме пыльных бумаг, в распоряжении не имеется.

Томясь жаждой творчества и упорядочения, они додумались своими архивными мозгами до особого недельного отчета для каждого из работников архива. Нашего журнала, к сожалению, не хватит для перечисления всех пунктов отчета. Поэтому мы приведем только пару-другую, вполне характеризующих глубину мысли и творческий размах этих архивных людей.

А. ХАРАКТЕР РАБОТЫ.

Здесь вкратце описать характер проводимой работы сотрудником, в чем она выражается, эта работа, ее содержание, но не в коем случае не ограничиваться, что, мол, я написал такую-то справку, взял такое-то дело, а надо конкретно говорить о проделанной работе, ибо каждому ясно, что для проведения работы нужно было взять дело и т. д.

Г. СКОЛЬКО ВЫДАНО СПРАВОК И ПО КАКИМ ВОПРОСАМ.

Здесь нужно обязательно указать по какому вопросу выданы справки, сгруппировать по характеру однородные справки вместе.

Сколько на выдачу справок затрачено рабочего времени — часов. В части выдаваемых справок, кроме данного отчета, приложить список полученных за это время сотрудником из канцелярии Крымархива заявлений о выдаче справок с указанием дня получения, дня исполнения и сколько оставалось на данное время за ним справок неисполненных.

Примечание: в аналогичном порядке вести и дневники, в коих записывать подробно весь процесс проделанной работы сотрудником, отметив всю характеристику момента работы.

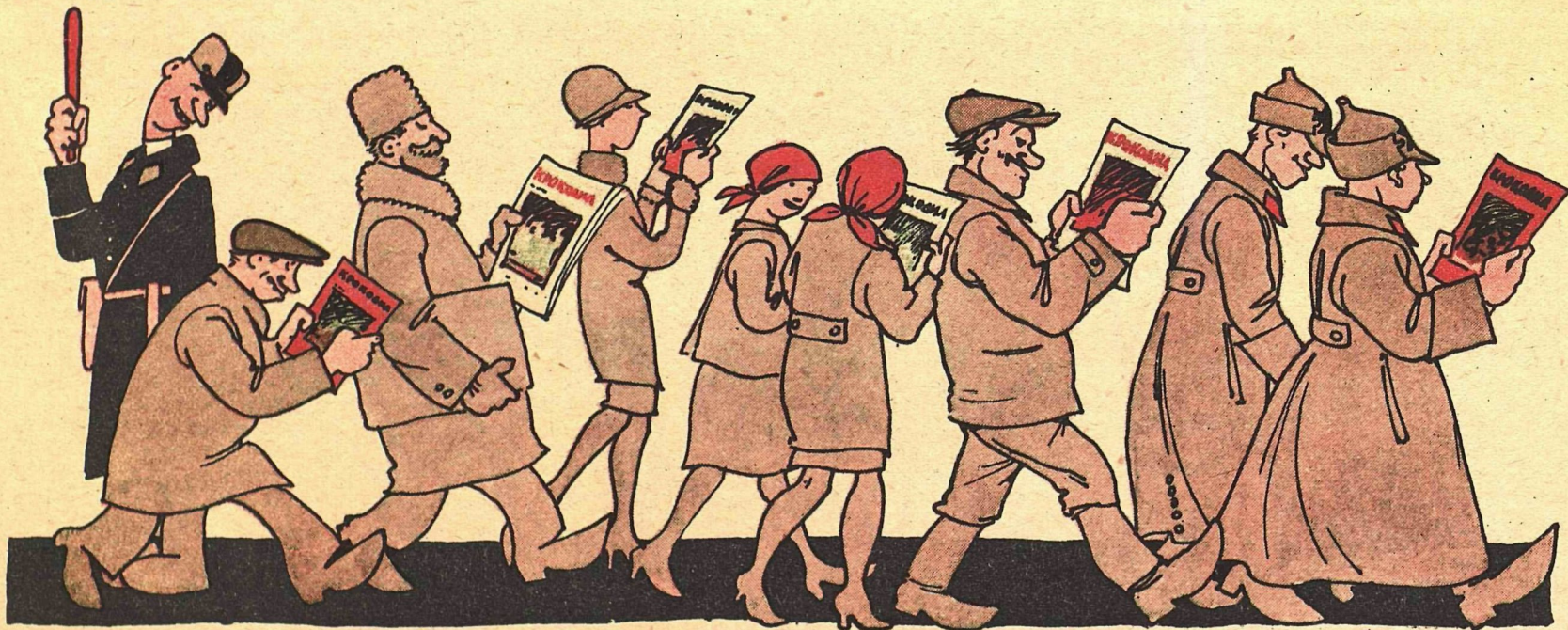
— Позвольте, а когда же, собственно, работать?—спросил один из сотрудников, лишенный таланта.

— А зачем?—удивился управляющий архивом.— Мы творцы! Для нас гораздо важнее создание новых организационных форм работы, анализ, так сказать, процессов и вообще...

Таковы наши административные гении и организаторы. Они на все 100% утирают нос глуповским градоначальникам.

Разумеется, и у них найдутся недоброжелатели где-нибудь в РКИ, но на крокодилий век этого добра хватит. Надеемся еще не раз воспеть их творческую мудрость и талантливость.

Б. Самсонов.

... ЧЕЛОВЕКА, НЕ ЧИТАЮЩЕГО „КРОКОДИЛ“

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ МАССОВЫЙ САТИРИЧЕСКИЙ МНОГОКРАС. ЖУРНАЛ

„КРОКОДИЛ“

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА: на 1 мес.—55 к.; на 3 мес.—1 р. 65 к.; на 6 мес.—3 р. 30 к.; на 12 мес.—6 р. 60 к. ЦЕНА ОТДЕЛЬНОГО НОМЕРА — 15 КОПЕЕК.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: В МОСКВЕ: Главной конторой „Рабочей Газеты“ — Тверская, 8; райэкспедиц. „Рабочей Газеты“; почтовыми отделениями; киосками МКХ. В ПРОВИНЦИИ: отделениями „Рабочей Газеты“; почтово-телеграфными конторами СССР; контрагентами по распространению периодической печати.

Рис. В. Козлинского

— Эй, гражданин! Сорить на могилах не разрешается!
 — Да я не сорю. Покойник сдал нам пять лет назад изобретение. Так вот его извещают, что оно уж три дня как изобретено за границей.

АРХИВ „КРОКОДИЛА“

ПРИЗ ПОБЕДИТЕЛЯ

Приводим копию документа.

Мы, нижеподписавшиеся, Рабинович и Лейшгольд обязуемся в нижеследующем:

1. Стреляем из одной винтовки по 10 штук патронов.
2. Кто даст больше очков, тот является победителем.
3. Победителю побежденный обязуется купить одну бутылку портвейна с закуской на 4 человека.

Лейшгольд, Рабинович.

Этот документ подписан активистами ячейки ВЛКСМ при 4-м Китайгородском группкоме совторгслужащих. Оба они — кандидаты партии.

При стрельбе по такой цели надо быть осторожным: как бы не попало рикошетом от... контрольной комиссии.

ПРИКАЗНАЯ СТРОКА

Если зайца бить, так он и спички зажигать научится.

Зам. отв. секретаря комсомольской ячейки при Донском окрФО тоже так полагает. Правда, он не бьет комсомольцев,—он только ПРИКАЗЫВАЕТ:

ПРИКАЗ № 6 ПО ЯЧЕЙКЕ ВЛКСМ ДОФО 24 ОКТЯБРЯ.

- § 1. За хорошо проведенную работу по устройству красного уголка т. Свечникову и Артомонову объявляю благодарность.

§ 2. Тов. БОНДАРЕНКО К 27 ОКТЯБРЯ ПРИГОТОВИТЬ ПЬЕСКУ.

§ 3. Тов. Пешкову к тому же сроку приготовить несколько номеров шумового оркестра.

§ 4. Тов. Даксаньяну приготовить номер в концертном отделении.

Зам. отв. секретаря Волков.

При такой работе талантов не оберешься! Шутка сказать, за два дня написать и поставить пьеску, разучить сонату Бетховена...

— Это не то, что спички зажигать!

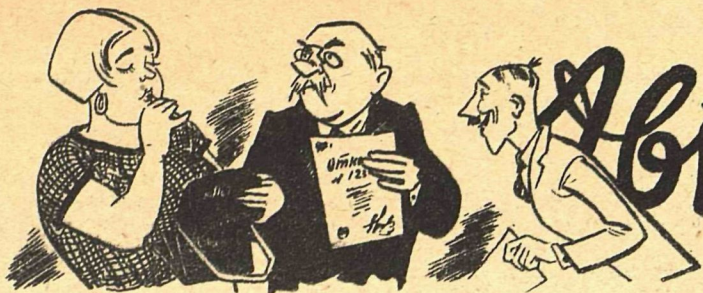
ИЗВЕЩЕНИЕ „КРОКОДИЛА“ ВСЕМ ЧИТАТЕЛЯМ И ПОЧИТАТЕЛЯМ.

15-го числа заканчиваю прием материалов на Всесоюзный Смотр Головоуятских Подписей. Пол-шкафа материалов у меня уже лежит. С 15 декабря к рассмотрению их и оценке приступает жюри в следующем составе:

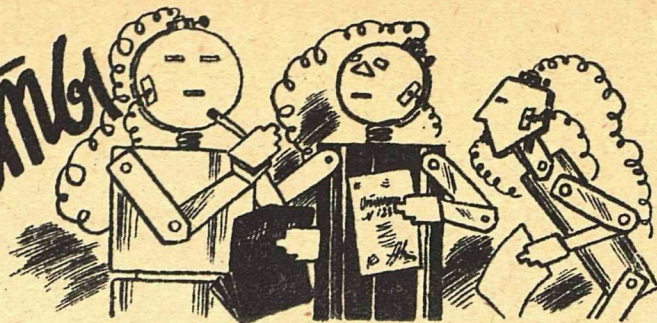
ЖЮРИ ВСГП

1. Тов. Феликс Кон (председатель жюри, редактор).
2. Тов. Иванов-Грамен (редактор).
3. Тов. Межеричер (редактор).
4. Тов. Митвицкий (секретарь редакции).
5. Тов. Черемных (эксперт, художник).
6. Тов. Бугайский (эксперт, врач-психиатр, научн. сотр. психиатрич. лечебницы 2 МГУ)
7. Тов. Абегауза (эксперт, представитель сектора контроля НК РКИ СССР).
8. Тов. Миронов (эксперт, представитель ЦК союза совторгслуж.).
9. Гражданин Савелий Октябрьев (от передовых бюрократов).

РЕШЕНИЯ ЖЮРИ БУДУТ ОБЪЯВЛЕНЫ В ЯНВАРЕ 1929 ГОДА.

Автоматы

I

В КОНТОРЕ завода «Пролетарский подшипник» все шло без перемен и без осложнений: и работа, и жизнь. Работа, в общем, стояла на высоте, а жизнь, в общем, была тихой и не выходила за рамки. Откуда ж бы взяться переменам или осложнениям? Для них не имелось никаких оснований.

Надо, впрочем, отметить, что жизнь могла бы дать некоторые основания. Дело в том, что между бухгалтером Круглым и счетоводом Лысковой, Марьей Николаевной, начали возникать отношения, выходящие за пределы чисто-служебных. Раньше всех остальных заметил это, конечно, личный состав финсчета—и, заметив, насторожился в ожидании перемен или осложнений. Но ничего не вышло: здравый смысл ввел стихию жизни в берега.

— Мне очень жаль Круглого, — поведала Лыскова женам сослуживцев: — он два раза делал мне предложение и, вообще, влюблен, как мальчишка... Но ведь тогда обязательно сократят: муж и жена в одном отделе! А так у меня прочное положение, обеспеченное жалование, сверхурочные. Согласитесь сами...

А Круглый сообщил товарищам и знакомым: — Жалко девчонку: она ничего... Конечно, другой на моем месте воспользовался бы служебным положением и склонил бы так, без брака, но я в вопросах половой морали человек честный. А жениться—не имеет смысла. Сократят же ее тогда, я же не настолько обеспечен, чтобы навязать себе на шею безработную!

Таким образом отношения Круглого с Лысковой хоть и вышли за пределы служебных, но далеко не пошли. Ни вреда, ни пользы от них не получилось ни для кого, если не считать второго счетовода, Чернышева. Чернышев свое отношение к отношениям выразил в фразе: — Не понимаю, что она находит в этом круглом... идиоте!

В общем и целом же, работа и жизнь по-прежнему текли без осложнений. И ни одна собака не предвидела, какие тягостные осложнения внесет в жизнь и в работу вопрос, небрежно заданный Чернышевым:

— А слышали вы, товарищи, про новые автоматы?

Не предвидел, конечно, последствий и сам Чернышев,—иначе он не задал бы рокового вопроса. Но вопрос прозвучал,—и события развернулись.

Конечно, не сразу...

— Какие еще автоматы?—почти равнодушно отозвался на вопрос бухгалтер Круглый. — А такие, механические, — пояснил Чернышев. — Пока они только в Америке изобретены, но применяются уже и в Москве. Один такой усовершенствованный аппарат может, например, целиком и полностью заменить живого бухгалтера, не прибегая к помощи человеческих рук!

Круглый посмотрел на Чернышева, подумал и сказал:

— Это уж ерунда. Бухгалтера автомат заменить не может. А вы лучше платежную ведомость кончали бы!

Чернышев саркастически усмехнулся, взял ведомость, подошел к Лысковой и спросил:

— Ведомостичка на удержания—у вас?

— Вот она, можете взять,—сказала Мария Николаевна.—А вы это взаправду или нет?

— Что?

— Про автоматы про эти!

— В газетах написано, — сказал Чернышев.—Ничего необыкновенного: новейшие успехи техники, вот и все. Конечно, кто сочувствует правому уклону и не верит в темп индустриализации...

— Нет, подождите, а как же счетоводы?

— Что?

— Ну, как же? Что ж они: автомату будут подчиняться?

— Счетоводов тоже можно позаменять, — отчаянно заявил Чернышев. — Всю финсчета часть можно автоматизировать... кроме, конечно, заведующего. При последовательной индустриализации так, конечно, и будет. Конечно, до нас это не так скоро дойдет...

Круглый посмотрел на обоих, слегка нахмурился и сказал, заметно нервничая:

— Посторонние разговоры лучше бы прекратить в служебные часы. Как вы полагаете, товарищи?

Тем пока дело и кончилось.

II

А утром следующего дня Круглый, закончив контокоррентный счет, сам возобновил посторонние разговоры:

— Скажите, пожалуйста,—обратился он к Чернышеву:—вот, вы вчера насчет автоматов... Ведь работа бухгалтера—дело не механическое, а ответственное. Как же можно заменить автоматами?

— А отчего ж нет?—авторитетно пожал плечами Чернышев.—Прогресс науки и техники!

Лыскова взглянула на него с явным неодобрением и сказала:

— Благодарю за такой прогресс: живых людей автоматами заменять! От нас, я думаю, и активность требуется, и сознательное отношение. Мы и с бюрократизмом боремся, и политграмотными должны быть, и инициативу проявлять, и все такое...

— Да ведь я не отстаиваю! Я просто, так сказать, констатирую безотносительно.

Разговор, с прожегнутками для работы, продолжался до обеденного перерыва. А за время перерыва новость об автоматах разошлась по всей конторе, вселяя неясный страх в робких и заигывая протест у активных.

— Оскорбительно для человеческого достоинства!—говорили активные.—Мы не автоматическую работу выполняем, а участвуем в строительстве социализма!

— Может быть, автоматы и самокритику будут развешивать?.. Или на производственных совещаниях выступать?..

Робкие утешались:

— Ну, да ведь это—в Москве! До нас и через десять лет не дойдет!

— Да и расчету им нет. У нас в конторе всего сорок два человека: какой же смысл заводить автоматы?.. Я понимаю,—там, где один автомат заменит сотню работников...

Разговоры дошли и до заведующего. Заведующий не принадлежал ни к робким, ни к активным: был просто заведующим. Обдумав вопрос, он сказал:

— Ну, автоматы—это не по нашему масштабу! Но аппарат у нас все-таки несколько... как бы сказать... громоздок, товарищи! Я не говорю о сокращении штатов, но некоторую рационализацию провести необходимо.

Роковое слово было произнесено.

Регулятор хода событий перешел на следующую скорость.

III

Об автоматах забыли. Вспомнили о них только через полтора месяца, когда особая комиссия и выписанный из Москвы представитель оргстроя закончили свою работу по рационализации аппарата. Вспомнили опять в финсчетах:

— Вот тебе и автоматы!—сказал бухгалтер Круглый, поглядев на пустое место, оставшееся взамен счетовода Чернышева и его стола.—На свою голову накаркал пареню! Его же в первую очередь и рационализировали...

— Д-да-а... — протянула Лыскова. — Вообще, странный тип!

— Неприятный элемент, говоря между нами... И теория эта его... насчет автоматов-то! В ней, между нами говоря, определено чувствуется что-то антиобщественное. Убеден, что он сам ее и выдумал!

— Конечно, сам. Кому бы еще пришла в голову такая чепуха?

— Сам,—повторил Круглый. Затем откинулся на спинку кресла, удовлетворенно улыбнулся и произнес:

— Хм, да... А вы, между прочим, все хорошеете и хорошеете, Мария Николаевна!

— А вы,—сказала, краснея, Лыскова, — все глупости продолжаете говорить! Очень жаль, что на вашем месте сидит не автомат!

Но она и в самом деле хорошела. Происходило это с ней не столько от цветущего здоровья или от косметики, сколько от удовлетворенности жизнью, событиями и собственной предусмотрительностью.

— Нет, до какой степени все-таки я была права!—говорила она женам сослуживцев. — Ведь согласись я выйти за Круглого, что бы теперь было? В первую очередь рационализировали бы меня, а не Чернышева. А сейчас мое положение совершенно упрочилось!

На этом можно было бы и закончить рассказ: конец очень хороший и благополучный. Но тут нет развязки. Развязка наступила только дней десять спустя после итогов рационализации—и была для всех неожиданной.

На одиннадцатый день после рационализации служащие конторы завода «Пролетарский подшипник» пришли в то же самое время, на ту же самую работу и в том же самом составе, как и на первый или на десятый день. Однако работа не двигалась, служащие выглядели как-то иначе, чем в обычные рабочие дни, и—самое необычное—почти у каждого была с собою московская газета.

Почти каждый из принесших газету обвел одну заметку в ней красным или обыкновенным карандашом. Заметка посвящалась «вниманию РКИ». В заметке сообщалось:

«...Завод «Пролетарский подшипник» бездействует уже четыре с лишком года. Никакими производственными планами центра не намечается он к восстановлению и на будущее время. Но, ликвидировав в свое время ненужный, необорудованный завод, центр забыл упомянуть в постановлении и о ликвидации управленческого аппарата. И что же? Все четыре с лишком года управленческий аппарат и контора продолжали автоматически существовать и «работать»: директор, зав конторой и служащие аккуратно являлись на «службу»; выписывались ассигновки, составлялись сметы и ведомости, выплачивалось жалование... А в последнее время была даже проведена «рационализация аппарата».

— «Работали автоматически», — язвительно подчеркнул бухгалтер Круглый:—обратили внимание, Мария Николаевна? Ясно, чья тут рука! Негодяй Чернышев написал!

Лыскова, побледневшая и подурневшая за один день, слезно подтвердила:

— Конечно, он! Вообще, все из-за него: не заведи он тогда насчет автоматов, его и самого не сокращали бы... Ведь из-за чего рационализация-то началась?

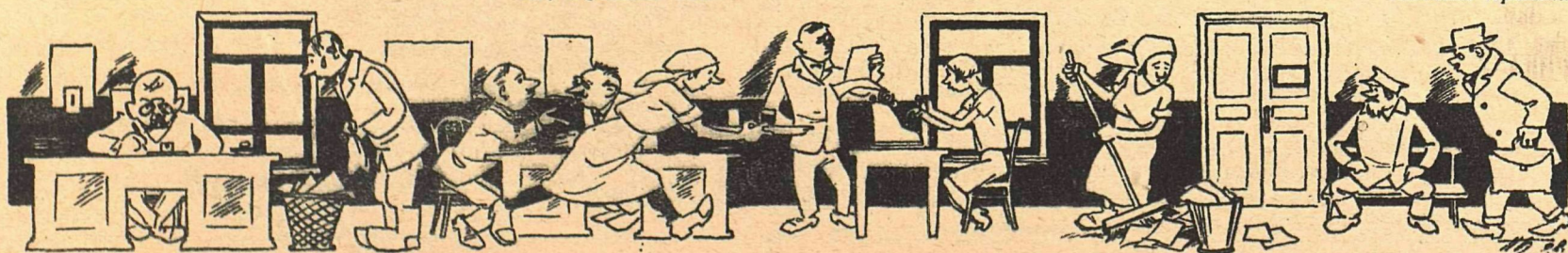
— Из-за его из-за трепанья из-за дурацкого, из-за чего же еще?—озлился Круглый.—И сам же теперь заметку написал! Руку на отсечение, что он!

— Да, но что ж теперь будет-то, Круглый?.. Круглый сердито проворчал:

— «Будет», «будет»! Чему же, по-вашему, быт теперь?.. Ясно, что теперь!..

И махнув рукой, произнес тихо, с хрипотцою, но явственно: — Конеч!..

Никита Крышкин.

ПРИДИРЧИВЫЙ ПОСЕТИТЕЛЬ

Рис. Сашки

— Что же вы мне тарелку мокрую даете!

— Извиняюсь, гражданин,—я вам не мокрую тарелку, а первое блюдо подаю: суп прентан!

ВИЛЫ В БОК

СЕКРЕТ ДОЛГОЙ ЖИЗНИ

Из Благовещенска пишут:

При рассмотрении сметы Амурского окружного собеса ему отказано в отпуске средств на похороны умерших инвалидов и членов их семей

Потому нет такой статьи в смете.

Великое дело — статья...

Таким образом, по амурским правилам, жить за государственный счет можно, а помереть — нельзя. Живи в придирчивом порядке.

РЕЗОННЫЙ ОТВЕТ

Для вальцетокарной мастерской завода им. Рыкова (Донбасс) прибыли из-за границы два станка. Оказалось, что к ним нет ни чертежей, ни объяснений, и даже ни один специалист не знает, как к ним подойти. Станки стоят без дела...

Станки сданы на склад, но
Чего на них глядеть?

Они стоят и ладно,
А вот кому СИДЕТЬ?

БАРНАУЛ ПОБИЛ РЕКОРД

Одиннадцатилетие Октября везде отмечали по-разному—где заводы, где клубы открывали, где пивные прихлопывали. А вот в Барнауле как раз наоборот. Барнаул неподражаем в своей оригинальности.

В нем,—как достоверно сообщает «Язык»,—в дни Октября торжественно открыты две новые пивные. В центре рабочего района! Рядом с детдомами, напротив рабочей амбулатории. Кладбище тоже недалеко. Для полноты картины тут же открывается лавка Центроспирта.

Так и течет жизнь: с завода—в пивную, из пивной—кто в амбулаторию, кто на кладбище. Кому куда ближе.

— Вертится жизни колесо!

ЧЕРЕПАХОВАЯ РАБОТА

А вот любопытный документик из серии: «Ученые свет, а неучение тьма».

Вичужский райком
союза сельхозрабочих.
Иваново-Вознесенск. губ.
22 августа 1928 г.

БОРЩЕВСКОМУ РАБОЧКОМУ

В виду предоставления 6 мест губотделу для поступления на рабфак, райком просит выделить из вашего совхоза более грамотного товарища для отправки на рабфак.

Выделенный товарищ должен явиться со всеми документами 31 июля.

А выслана бумага 22 августа. Другими словами, будущий рабфаконец должен явиться на месяц раньше, чем его вызвали...

Не слишком ли большие требования предъявляются к товарищам, поступающим на рабфак?..

КОЗЛЫ В ОГОРОДЕ

Эти легкомысленные существа проникают в огород только по явной небрежности и халатности человеческой. Но как могло случиться, чтобы они попали туда по выборам, да еще большинством голосов!

В селе Камское Устье (Татреспублика) в крестком были избраны... заведующие ПИВНЫМИ ЛАВКАМИ.

«От такого редкого совместительства,—сообщает тов. ЛЮБИТЕЛЬ,—на кресткоме поставлен крест. Они растратили 1.600 рублей общественных денег».

Вы спрашиваете, чем это кончилось?

Кончилось началом! Кредитное товарищество пригласило растратчика Автономова на службу к себе:

— Земля наша, знаете, велика и обильна, а растратчиков в ней нет... Милости просим!

ПО ГАЗЕТНО-ЖУРНАЛЬНЫМ УХАБАМ

ОБ ОСНОВЕ ДЛЯ ЗДОРОВЬЯ

Журнал «Рабочий Бумажник» просвещает читателей такими бесспорными сведениями (№ 17):

РАБОТОСПОСОБНОСТЬ И ТЕЛОСЛОЖЕНИЕ

Если окружность груди более полутораэта, то у рабо чего есть основа (?) для здоровья. Если она равна или меньше полуторного роста, то здоровье сомнительно.

Да, товарищи, человечество вырождается. По крайней мере, в Европе и Азии не находится ни одного человека, который бы потрафлял капризному требованию «Бумажника». У всех, понимаете, наоборот: рост подходит под полуторную окружность груди. Такая неприятность...

ЕЛЕЦКАЯ ПОЭЗИЯ

В деревне — хлебозаготовки, борьба с кулаком, нехватает керосина в потребиловке и многие другие трудности.

Елецкое «Красное Знамя» устало от всего этого. У «Красного Знамени» теперь свой взгляд на деревню.

В № 31 какой-то Д. Б. так описывает село Студеное:

Высятся стройные ивы, зеленые и жизнерадостные, как вешние девственницы. Нежданно-негаданно распаиваются ветви и пугливая горлянка летит куда попало. Рядом чечекает целая стая красногрудых птичек.

Красота! Вешние девственницы высятся, горлянка летит куда попало, птички чечекают. Всякая тварь занимается каким-нибудь делом. Один только редактор «Красного Знамени» не чечекает над своей газетой и печатает все, что ни попало под руку! Жаль, жаль! Рекомендуем немножко почечекать!

ГРАМОТНЫЙ, ОБУЧИ НЕГРАМОТНОГО

Редакция самарской «КОММУНЫ» пишет в бюро жалоб облРКК:

Возвращая материал, сообщаем, что редакция не могла использовать заметку тов. Кузнецова в виду того, что она затрагивает такой факт, не имеющий того значения, чтобы о нем печатать в газете, так как распространяется Кузнецов, кроме того, заметка неграмотна, а тратить время на ее поправку нет смысла.

Зав. рабселькоровским отделом газеты «Коммуна» Кирюшкин.

Конечно, не стоит тратить время на «поправку»! Ведь для этого Кирюшкину пришлось бы сначала ликвидировать СВОЮ неграмотность, пройти школу 1-й и 2-й ступени, научиться внимательному отношению к раборам...

А так—подписано и с плеч долой!

ЗА ЭТО, КОНЕЧНО, СТОИТ.

— Пишете ли вы стихи, а если нет, то почему?

В анкете на этот вопрос Я. БЕРДНИКОВ мог бы ответить категорически:

— Пишу!

В № 20—21 журнала «СМЫЧКА» он даже напечатал плод своего творчества.

ДЕЛЕГАТКА

В синей кофте, в зореве заката,
По дороге с белым батоном,
Из района делегатка Катя
С конференции шагает в серый дом.
За плечами красная котомка...

— Эх, разрядил он ее—прямо не Катя, а радуга!

Кстати, почему дорога оказалась «с белым батоном». Уж не автора ли высечь хочет?

За такие стихи стоит, что и говорить!

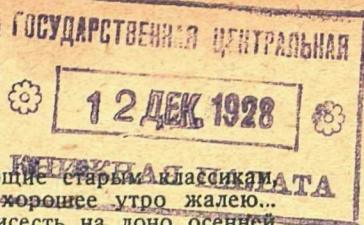

Рис. Д. Мельникова

Сидело чудное ноябрьское утро. Писатели, подражающие старым классикам, написали бы: «Стояло чудное ноябрьское утро»,—но я хорошее утро жалею... Оно может сильно устать, и потому я разрешаю ему присесть на лоно осенней природы и послушать мое произведение...

Товарищ утро, сядь и слушай. Товарищ советское утро, я попрошу быть внимательнее.

Это было через три дня после установки на заводе «Коллективная сила» нового лифта для под'ема сотрудников. В этот волшебный четверг некто Карбузов, среднее между швейцаром и табельщиком, сидел на своем месте и кушал колбасу высшего сорта, которой Маруся отравилась.

Новый директор Эн Эннович Антибузилов, только еще неделю на заводе бюрократствующий, вскочил в лифт, а за ним вбежал Мишка Растрясалов. Подмышкой у него торчали чертежи и два разводных ключа. Под Мишкой—скрипящие штилеты в пыли и олеонафте...

— Вам, товарищ, на какой этаж?—спросил Антибузилов.

— На третий, в сборочный.

Директор нажал кнопку и двое поехали... Благополучно миновал лифт второй этаж и вдруг—тыррр, мотор стал. Толчок. Лифт застрял между вторым и третьим этажами. Двое лифтенных робинзонов, обреченных на неопределенное поджидание монтерской помощи, уныло взглянули друг на друга, как потерпевшие кораблекрушение.

— Какое безобразие!—проговорил Антибузилов:—в мой кабинет сейчас стянулись все стороны заводского треугольника для обмена мнениями о желательной кандидатуре главы «легкой кавалерии», а вершина треугольника принуждена сидеть здесь, в лифте низкого качества, как какой-нибудь Робинзон Иванович Крузов...

После его слов с Мишкой случилось нечто необычайное. Он заплясал, точно годовалый жеребенок, а чертежи полетели на пол. И он прямо и радостно шагнул к директору, сжимая разводной французский ключ.

— Что вы хотите?—ошалел директор.

— Я хочу бороться с вашим бюрократизмом, Эн Эннович!

На лице Антибузилова повис серый интернациональный флаг испуга...

— Как, здесь, в лифте?!..

— Где хотите, хошь в лифте, хошь за лифтом. Только я поборюсь теперь уж до победного конца!

— Почему?

— А потому, что я с вами уже боролся на «Красном горне». Был только председателем комиссии по борьбе с вашим бюрократизмом, ничего не вышло. После месячной борьбы вас в другой трест перебросили, а меня уволили... Так вот я прошу вас похлопотать где следует, чтобы меня главой вашей «легкой кавалерии» назначили. Как старого борца, на старую работу!

Антибузилов взглянул как следует на говорившего и крикнул:

— Растрясалов—это ты, которого прозвали «Кадилычем»?

— Да, я—Михаил Кадилыч Растрясалов... Сейчас в инструментальной кладовщиком работаю.

В это время лифт поплыл наверх.

Прошли короткие деньки, и каким-то образом, известным одному директору, Кадилыча на желанное место назначили.

Раз, в общественный вечерок, Кадилыч подошел к директору и спросил:

— Когда прикажете, Эн Эннович, «легкую кавалерию» привести побороться с вашим бюрократизмом: в четверг или послезавтра?

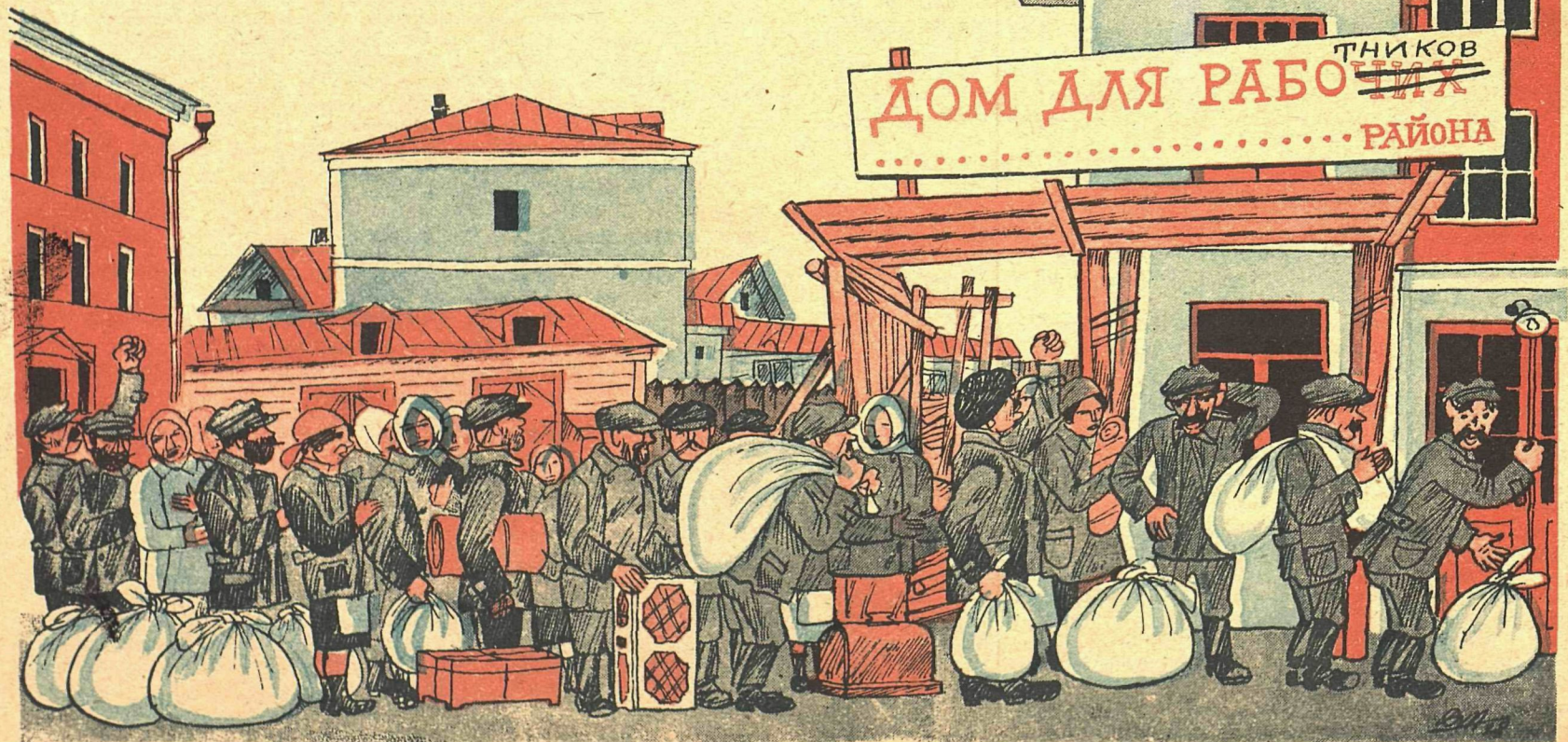
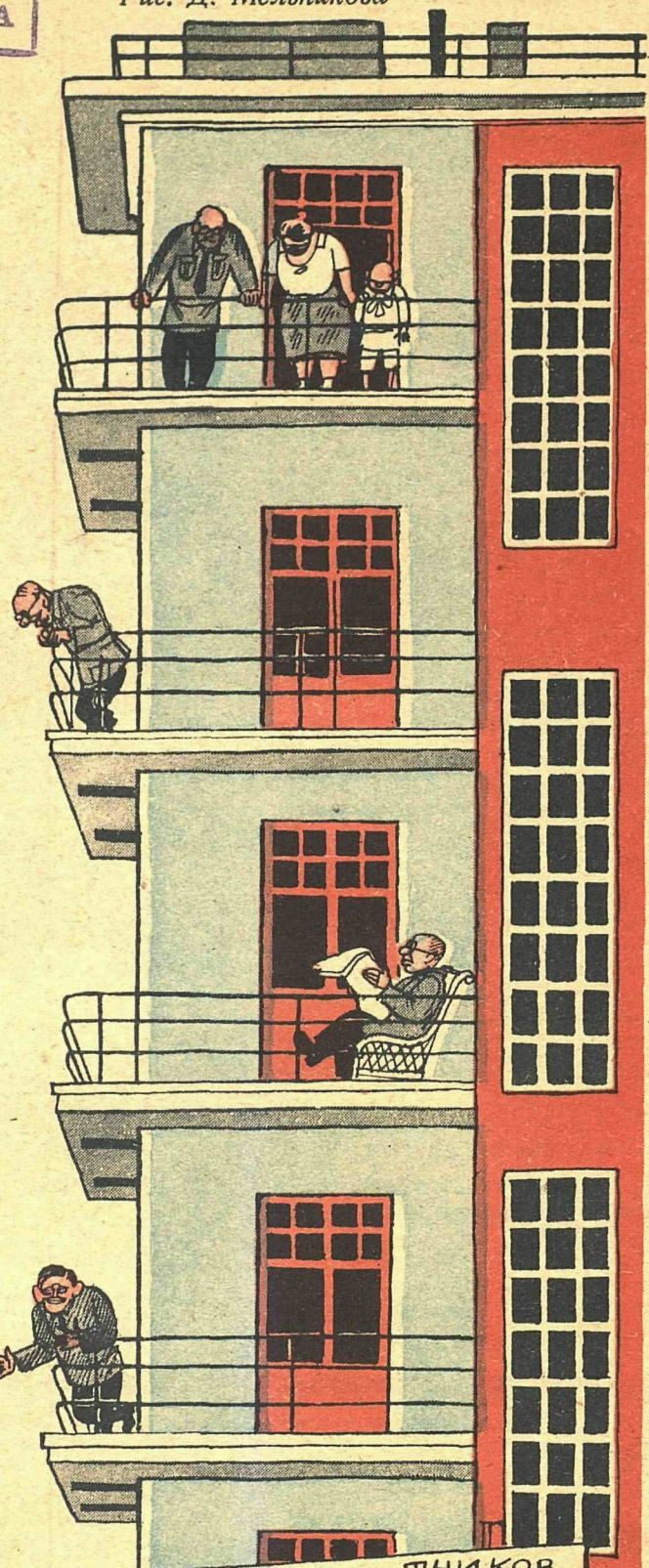
Антибузилов ответил:

— Приведи, Кадилыч, через недельку, дело не спешное. Некогда сейчас, у меня колдоговор.

Короткие дни борьбы с бюрократизмом привели Растрясалова из инструментальщиков в пом. зав. сборочным.

Умелая борьба—самый лучший лифт, быстро поднимающий человека по этажам карьеры.

Павел Черенков.

МЕСТНОСТЬ, ГДЕ ПРОИЗОШЛА ПОПРАВКА, МЫ НЕ УКАЗЫВАЕМ. ОСТАВИЛИ МНОГОТОЧИЕ. ЕСЛИ ЖЕ ЭТО ЧИТАТЕЛЯ СМУЩАЕТ, — ПУСТЬ ВПИШЕТ САМ НАЗВАНИЕ СВОЕГО РАЙОНА.